

«Я готов рассказать тебе поле, про волнистую рожь при луне...»

«Несказанное, синее, нежное, тих мой край после бурь, после гроз...»

«Отговорила роща золотая березовым, веселым языком...»

Поэтический мир Есенина предстает перед нами гармоничным, светлым и легко доступным. У кого, например, еще встретишь такое: «Голубая кофта. Синие глаза. Никакой я правды милой не сказал». Все дышит почти домашней простотой. Последняя, думаю, и вводит нас часто в заблуждение, ибо, как это ни удивительно, есенинская простота во многом носит условный, кажущийся, мнимый характер. Нельзя забывать, что очевидность далеко не всегда все объясняет. Солнце ходит вокруг земли, но «здоровый смысл», очевидность одновременно нам подсказывают: «Не верь глазам своим».

В поэтическом мире Есенина действуют такие же сложные и многообразные законы, как в космогонии. Простота Есенина — простота сложности. Чтобы уяснить ее, надо пристально вглядываться, постигая скрытое в стихах от поверхностного взора. Есенин сравнил себя однажды с Косьмой Индикопловом — средневековым автором, рассказывавшим о плавании в неведомые и загадочные земли. В этом уподоблении была своя мудрость. Искусство — всегда постижение. Есенин имел право сказать: «Ничто не обошел я мимо, но мне милее на пути, что для меня неповторимо». Впитывая неповторимость, поэт щедро одарил его нас, читателей его стихов.

Мы нередко говорим, что Пушкин — солнце русской поэзии, а Лермонтов — ее загадочно-прекрасный месяц. Сергея Есенина можно назвать звездой первой величины, взойшедшей на нашем поэтическом горизонте. От десятилетия к десятилетию ее свет разгорается все ярче и ярче, становясь видимым в отдаленнейших концах земли.

Чтобы уяснить сотворенное автором «Анны Снежной» и в своем роде единственных лирических стихах, надо увидеть его творчество во всем движении русского искусства первых десятилетий двадцатого столетия. Когда просматриваешь имена и названия, связанные с бурной предреволюционной и революционной эпохами, то поражаешься разнообразию литературных школ и дарований, широте и размаху художественных поисков. Далеко не все эстетические направления оказались плодотворными. Разнообразие выглядело и как пестрота. Нельзя закрывать глаза на то, что наряду с прочной реалистической традицией существовал, принимая бесконечные виды и формы, декаданс, метко названный в свое время Вальсбургиевой ночью в искусстве. Для одних обращение к «минус-ценностям» было единственной возможностью существования, для других же всевозможные «пролеты в вечность» ограничивались присоединением к эстетическим декларациям, модной лексикой («Мы — плененные звери») или темами усталой души.

Назову имена, с которыми Сергею Есенину пришлось встретиться, принимая их или не принимая, но которые существовали как живая литературная атмосфера времени. Эпоху определяли не только такие общепризнанные мэтры, как Брюсов, Белый и Блок. От Иннокентия Анненского и Вячеслава Иванова тянулись незримые нити к Велемиру Хлебникову, Анне Ахматовой, Осипу Мандельштаму. Игорь Северянин был прочной городской модой. Константин Бальмонт и его многочисленные последователи олицетворяли изысканность «русской медлительной речи». Владимир Маяковский и Демьян Бедный являли два могучих крыла революционной поэзии.

Умение писать стихи было доведено до высочайшей тонкости. Но недаром говорят: где тонко, там и рвется. Устраивались поэтические туры, на которых щего-

ляли невероятными рифмами, замысловатыми ритмами, фигурными стихами, загадочными тропами, разобравшись в которых могли только знатоки условной речи. И вдруг появился молодой человек, почти мальчик, он пришел из «страшны березового ситца», из рязанского села и заговорил обыкновенными словами, давным-давно устоявшимися размерами и привычными рифмами: «Родился я с песнями в травном одеяле, зори меня вешние в радугу сви-

было невозможно почитать стилизатором, упивающимся словесным штукарством: «Хочу концы земли измерить, доверясь призрачной звезде, и в счастье ближнего поверить в звенящей рожью бороде».

Революция, резко перевернув жизнь, изменила и всю общественно-литературную обстановку, обострила у поэта восприятие действительности и усилила свое, небывало раскованное отношение к жизни. В эти годы в

ней самого себя; видит свой облик не в случайных и скоро изменяющихся чертах, а в главном, основном, типическом. Каким гордым и возвышенным чувством Родины надо было обладать, чтобы провозгласить свое основное жизненное правило: «Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!», я скажу: «Не надо рая, дайте родину мою». Его поэтическая нежность, проявленная к человеку, понимаемому не одномерно, не плоско, а во всей проникно-

нения, столь близкие загадкам, поговоркам, пословицам. Метафоры Есенина должны быть отнесены к тому наилучшему, что было достигнуто нашей поэзией. Недаром поэта называют чародеем и волшебником образных сопоставлений. В его стихах закат — плавающий на деревенском пруду «красный лебедь», мы видим, как «чистит месяц в соломенной крыше обоймленные синью рога», как «золотою лягушкой луна распласталась на тихой воде» и даже, как «от-

му себе, своей лирической сути, поэт густо насытил лексику стихов понятиями, рожденными революционной эпохой.

Без всякого преувеличения Есенина можно назвать и социальным поэтом. Иначе и быть не могло. Величайшие события потрясли основы общественного бытия. Революция вошла в плоть эпохи. Певец народной жизни не мог не воспринять то, что составляло жизнь города и деревни. Глубоко символичен эпизод, связанный с открытием мемориальной доски на Кремлевской стене в первую годовщину революции — «Павшим в борьбе за мир и братство народов». Общеизвестно, что в торжественной церемонии принимал участие В. И. Ленин. Исполнялась «Кантата», основную часть текста которой написал Есенин. С огромной эмоциональной силой прозвучали тогда слова, живущие в нашем сознании и ныне: «Спите, любимые братья. Снова родная земля неколебимые рати движет под стены Кремля». Есенину суждено было стать не только «поэтом золотой бревенчатой избы», но и вместить в своем сердце весь мир. Достаточно обратиться к его единственному и неповторимому циклу стихов «Персидские мотивы», чтобы понять — Запад и Восток встретились в творениях поэта, обретя огромную художественную мощь. Читая и перечитывая созданное Есениным в самый последний период творчества, ощущаешь, как прямо или подспудно, публицистично или метафорично выражается лейтмотив его стихов: «Я думаю: как прекрасна Земля и на ней человек».

Поразительно, как много успел сделать Есенин за свои неполные тридцать лет. Он объехал полстраны — от Белого моря до Средней Азии, от Кавказа до Оки, побывал в крупнейших европейских странах и в США. Главное же, он создал поэтический мир, который, пребывая ныне с нами, устремлен в будущее.

Евгений ОСЕТРОВ.

МИР ЕСЕНИНА

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА

вали. Вырос я до зрелости, внук купальской ночи...

Одним из первых почувствовал в новичке большой талант Александр Блок. Петербургские же литературные салоны, всевозможные идеологи декаданса попытались воспринять юного поэта, как экзотику, «клубнику зимой». Но новоявленный «Амур в лапоточках» не пожелал ходить в венке, свитом для Леля. Выяснилось, что Есенина нельзя было зачислить в ряд привычных эстетических явлений. Певец безгрешно ходил в венке, свитом для Леля. Выяснилось, что Есенина нельзя было зачислить в ряд привычных эстетических явлений. Певец безгрешно ходил в венке, свитом для Леля. Выяснилось, что Есенина нельзя было зачислить в ряд привычных эстетических явлений. Певец безгрешно ходил в венке, свитом для Леля.

стихах Есенина проявилось много праздничного, родственного жизнерадостным полотнам Петрова-Водкина, Рылова, Юона. Поэт писал: «Я более всего весну люблю, люблю разлив стремительным потоком, где каждой щепке, словно кораблю, такой простор, что не окинешь оком». Отсюда образ: Революция — Весна. Относься к происходящему по-своему, с «крестьянским уклоном», видя в торжестве семнадцатого года начало пути к счастливо-сказочной стране, о которой мечталось в народных утопиях, Есенин сознательно противопоставил себя и свою революционную поэзию тому, что писал и делал «чужой и хохочущий сброд». Именно на двадцатые годы падает лучшее из написанного поэтом в лирике и эпосе. Дорога к новому оказалась нелегкой, и поэтому образ метели — «лихой замяти» — так прочно вошел в его стихи.

Что же выделило Есенина из сонма пишущих и поставило даже над крупными литературными именами?

Душевная распахнутость, умение оставаться в стихах самим собой — в малом и крупном. Обращающийся к есенинской поэзии узнает в

венной душевной глубине, не могла оставить равнодушными даже тех, кто обычно стихов не читает.

Примечательна оценка, которую дал Борис Пастернак, создатель совершенно иной поэтики, далекой от есенинских художественных симпатий: «Со времени Колцова земля русская не производила ничего более коренного, естественного, уместного и родового, чем Сергей Есенин... Вместе с тем Есенин был живым, быющим комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовем высшим моцартовским началом, моцартовской стихией».

Сам Есенин видел отличие от собратьев по перу в том, что у него в стихах всегда присутствовало «чувство Родины». Этим всепоглощающим и постоянно углублявшимся чувством пронизано все его творчество. Он подчеркивал: «Я люблю Родину, я очень люблю Родину...» Отчая земля воспринималась художником во всей ее зримой и вещественной красоте. Есенин не понимал и не принимал тех, кто предпочитает тень дуба самому дубу. В его стихах все зримо, предметно, реально. Отсюда и прославленные образы-срав-

рок-ветер по самые плечи заголил на березке подол». Этот поразительный метафорический ряд может быть умножен до бесконечности. Он-то и дает нам возможность заглянуть в тайное тайн поэта, увидеть, что происходило в его творческой мастерской, где в обработку шла «золотая словесная гряда», взятая непосредственно из рук народа-языкотворца.

Есенину было чуждо пасторальное отношение к происходившему перед глазами. Социальные катаклизмы в городе и деревне потрясли его душу, нашли живейший и самый непосредственный отклик в стихах. Не случайно среди героев, которые привлекают его внимание, мы видим Степана Разина, Булавина, Пугачева — последнего Есенин сделал главным действующим лицом своей драматической поэмы. Поэт страстно откликается на злобу дня и пишет свою «Балладу о двадцати шести». Популярность среди читателей приобретает «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве»; он, наконец, создает лирико-эпическое полотно «Анна Снегина», в котором было высказано столько поразительной и тревожной правды о деревне. Не изменяя само-

«Сов. культура», 1975, 3 окт.